

Проблемы бытия личности

Дмитрий Колесов

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ РАЗЛИЧИЙ ПРАВСТВЕННОСТИ И МОРАЛИ

Этика – наука о поведении человека с точки зрения добра и зла

Этика – это наука о поведении человека (индивида и общества) с позиций добра и зла, а не «наука о морали и нравственности», как считают многие специалисты, занимающиеся вопросами этики. Некоторые из них признают, что у «морали» и «нравственности» есть некоторые «смысловые оттенки», но особого значения им они не придают [1]. Другие же авторы прямо призывают и впредь использовать эти понятия, как синонимы, не задумываясь о каких-либо смысловых «оттенках» [2]. Между тем полная идентификация морали и нравственности обедняет этическую мысль и на руку только тому, кто стремится действовать не по совести, а «в соответствии с законами», которые (отметим!) лоббирует сам или же через подручных.

Отождествление морали и нравственности обедняет этическую мысль

За период «демократизации» нашему обществу довелось познакомиться с немалым числом индивидов, нагло орудующих на виду всей страны, «не нарушая законов» и полностью в духе корпоративной морали: их однопольцы от них не отворачиваются и практики изгнания из своей среды подобных индивидов пока что нет. Но действуют они явно безнравственно. К примеру, про некоторых многим так и хочется сказать «сволочь!», но ведь за то, что индивид «сволочь», санкций не предусмотрено, даже если он и действует, как «сволочь». Само же это понятие, пришедшее с давних времен, изменило свой смысл. Раньше «сволочью» называли веревку, которой захватчики отмеряли число плененных низкого звания. Пленных князей считали по именам, тех, кто немного ниже рангом, – по головам, а всех прочих сволакивали в одну кучу и обмеряли по окружности веревкой определенной длины: «од-

на сволочь» (некоторое число индивидов), «вторая сволочь»... Теперь это слово говорит не о социальном положении индивида, а о его личных качествах: если раньше к числу «прочей сволочи» относили только индивидов низкого социального положения, то теперь «сволочью» нередко бывают и «князья» – от политики, от бизнеса... Но, как мы уже сказали, общество от подобных типов не отворачивается. И *продажность индивида – постоянная готовность его обменивать чувство собственного достоинства на какую-либо очередную выгоду* – уже мало кого смущает. А некоторые профессиональные группы граждан даже сделали продажность атрибутом своей профессии. Читатель легко догадается, кого мы имеем в виду. Рассмотрим табл. 1, в которой представлено сравнение нравственности и морали.

Нравственность – опыт всего человечества, мораль – опыт социальной группы

Прокомментируем эту таблицу. *Сфера нравственности формируется путем накопления совокупного опыта всего человечества.* И поэтому нравственность в различных частях земного шара имеет совпадающее содержание. Не случайно, во всех Священных книгах вопросы нравственности трактуются сходно, с незначительными местными различиями (Библия, Талмуд, Коран, учение буддизма...). Требования же морали во многом «завязаны» на конкретную общественную систему. Мораль всегда имеет социально-групповой характер (мораль партии, мораль «класса», «корпоративная» мораль, «воровская» мораль, «расовая мораль»...). При этом господствующая мораль «завязана» на господствующую же общественную систему.

Конкретно-исторический характер морали

Сам социально-групповой характер морали – весомый довод в пользу именно «конкретно-исторической» природы морали: по ходу развития цивилизации социальная структура общества изменяется, а вместе с нею изменяется и господствующая мораль, и ее варианты, соответствующие частным интересам. В обществе («в целом») роль морали пытаются играть законы, которые обретают юридическое оформление. Но у социально-групповой морали тоже есть свои законы – неписаные, передающиеся как традиции данной социальной группы. К примеру, дух воровской морали изменился мало, но расслоение этой группы находит свое выражение в «размывании» нормативов воровской морали. Нравственность от всего этого далека.

Таблица 1

**Сравнительная характеристика нравственности
и морали**

№	Модус	Нравственность	Мораль
1	Общечеловеческий характер	Да	Нет
2	Конкретно-исторический характер	Нет	Да
3	«Внеисторичность»	Выражена в полной мере	Отсутствует
4	Зависимость от идеологии	Нет	Да, во многом
5	Вариативность	Незначительная	Характерная черта
6	Условность	Нет	Да
7	Контроль общества	Имеет характер ожидания	Имеет характер требований
8	Корпоративность	Невозможна	Характерная черта
9	Выражает интересы	Выживания всего человечества	Преуспеяния некоей социальной группы
10	Лицемерие	Несвойственно	Свойственно в высокой степени
11	Нормативность	Индивидуально-личностная	Общественная
12	Характер обязательности	Индивидуальный	Общественный
13	Характер санкций	Угрызения совести	Общественное порицание
14	Связь с природой человека	Непосредственная	Опосредованная общественными отношениями
15	Самоконтроль	Основан на состоянии души	Основан на отслеживании реакции окружающих
16	Самодостаточность	Полная	Отсутствует: постоянно ждет поддержки в элементарных нормах нравственности
17	Отчужденность	Отсутствует	Имеет разную меру в разных вариантах морали
18	Формализация	Нет: только заповеди	Да, разными способами: юридические нормы, правила этикета, законы
19	Архетип «свой-чужой»	Отрицает или не признает	Акцентирует
20	Отношение к человеку	Снисходительное и милосердное	«Принципиальное» и непримиримое

Внеисторичность нравственности

Внеисторичность свойственна нравственности в полной мере: никто не отказывается – и его бы не поняли, если бы он отказался – от Заповедей, содержащихся в Священных книгах. Но сколько разновидностей мора-

ли за это время сменилось? К примеру, «право первой ночи» было вполне оправданным господствующей моралью в период феодализма. Но оно кажется нелепостью для современности. И «право» работодателя на аналогичные отношения с подчиненной отнюдь не оправдываются обществом, хотя и существуют: безнравственно вносить фактор силы (связанный с различиями в общественном положении) в межполовые отношения. Но это было всегда, и всегда – вопреки нравственности. При этом «право первой ночи» существовало официально и в полной мере соответствовало морали той эпохи. Именно оно стало сюжетной основой двух выдающихся опер: В.А. Моцарта (1756–1791) – «Свадьба Фигаро» (1786) и Дж.А. Россини (1792–1868) – «Севильский цирюльник» (1816). Как очевидно, мораль свойством внеисторичности не обладает.

Идеологичность морали и независимость нравственности от идеологии

Нравственность от идеологии не зависит. Напротив, мораль находится у идеологии в подчинении: каждая социальная группа, пришедшая к власти, стремится закрепить ее путем законов, выражающих дух выгодной ей общественной системы. При этом в полной мере проявляются:

- конкретно-исторический характер морали (обслуживание стоящих у власти);
- несамодостаточность морали;
- лицемерие морали.

Как только в обществе появляется единственная на всех и каждого цель, жизнедеятельность «всех и каждого» стремятся ввести в удобные рамки для тех, кто выступает от имени этой цели: тех, кто «ведет» общество к ее достижению.

Расхождение в целях и средствах

Важный вопрос: о расхождениях между целями и средствами. Порою можно подумать, что такое – весьма характерное и практически неизбежное для общественно значимых целей – расхождение возникает как бы само по себе. Но можно думать и по-иному: *подлинный (а не показной, декларируемый) характер навязываемой обществу цели полностью можно понять из того, какие именно средства избираются для достижения этой цели.* Только это по-настоящему ее и характеризует. Все прочее – идеологический и информационный «шум», призванный затуманить мозги тем, кто с подлинным характером цели согласиться не сможет, а с фиктивным же – у него вроде бы нет оснований не соглашаться. Действительно, кто будет возражать против «счастья всего человечества»? – Только злодей. Кто будет возражать против «всеобщего блага»? – Только не-

годай. Но ведь это – фиктивные, показные, декларативные цели. А о характере подлинных целей данной активной социальной группы, пробивающейся или пробившейся к власти, – можно судить именно по избираемым ею средствам. При этом уже отмеченная нами несамодостаточность морали проявляется в том, что *подлинные цели стремящихся быть у власти прикрываются именно обращением к принципам нравственности!* Действительно, убивать священников, бывших офицеров, купцов (ленинский геноцид) только за то, что они живут на Земле в таком именно качестве, – это безнравственно. Но зато это вполне в духе большевистской морали. Или: уничтожать возражающих власти или в чем-либо с нею несогласных (сталинский террор) – разве это нравственно? Но тоже полностью в духе большевистской морали. Никто ведь из конкретных исполнителей не думал, что он творит зло: все они служили «великой цели», и порою «самоотверженно». К этому сразу же добавим, что ядро большевистской морали – это «нормы внутрипартийной жизни», где главное – ленинский принцип «демократического централизма».

Инвариантность нравственности и вариативность морали

Нравственность инвариантна, и поэтому расхождения нравственных текстов касаются в основном деталей, степени охвата жизнедеятельности человека, некоторой местной специфики. Для морали же вариативность – характерная черта: различные варианты морали различаются настолько же, насколько различаются общественные системы, в которых они функционируют. Мораль рабовладельческого строя. Феодальная мораль. Мораль капиталистическая... И в любом из этих вариантов морали проявляется одно и то же лицемерие и одна и та же несамодостаточность: мораль постоянно обращается за подтверждением и оправданием к элементарным принципам нравственности. И еще: при рабовладельческом строе «добром» считалось не бить раба без причины, хорошо кормить его. В модифицированном виде эта норма перешла в мораль феодализма, но она совершенно неприемлема для морали капиталистического строя: все осуждают современное рабство, существующее подпольно-нелегально. И никто не выступает в поддержку или защиту работорговцев. Но, к примеру, для сутенера обирать проститутку – дело обыденное и морали данной общественной группы (сутенеры–проститутки) не противоречит: так «принято».

Условность морали и безусловность нравственности

Каждая общественная система с ее вариантом морали склонна в нужных для себя случаях апеллировать к элементарным принципам нравственности. Выполне-

ние же своих требований и норм она строго контролирует. К примеру, «каждый советский человек» должен был понимать «текущий момент»: это было требование в духе большевистской морали. Что означало такое «понимание»? – Внутренний запрет для себя сравнивать то, что власть говорила вчера, с тем, что по этому же вопросу говорится сегодня. Тех граждан, которые обращали на это внимание, в лучшем случае называли непонимающими «текущий момент», в промежуточном случае – «демагогами», а в худшем – «врагами народа», с соответствующими «оргвыводами». Последние – совершенно чуждое нравственности понятие, но зато в полной мере соответствующее общественной практике: их осуществляли именно в духе большевистской (впоследствии – «коммунистической») морали.

Общество ожидает соблюдения нравственности и требует блюсти мораль

Контроль общества за соблюдением индивидом принципов нравственности носит главным образом характер ожиданий, но не требований: многое из того, что нравственно осуждается, преследованию по закону или даже общественному порицанию не подлежит. Зато контроль за соблюдением требований соответствующего данной общественной системе варианта морали всегда был достаточно внимательным. За пределами сферы политических отношений, в быту граждан осуждалось то, что не соответствовало именно принципам нравственности. К примеру, то, что разрушало семью, – в первую очередь. Но и здесь был идеологический подтекст: как можно разрушать семью, если она – «ячейка социалистического общества»?

В жизни советских граждан можно выделить два периода: период, когда актуальной была борьба с «врагами народа», и период, когда победоносному движению вперед мешали диссиденты, пытающиеся поставить под сомнение и справедливость нашей общественной системы, и «несомненные ее достижения» во всех сферах экономической и социальной жизни. Весьма характерный и любопытный момент: порою суть неправомерного поведения «диссидента» заключалась в том, что он высказывал соображения, которые разделяло большинство тех, кто его преследовал, но умели держать язык за зубами. Он же прямо и откровенно, а порою и наивно говорил то, что думали все, но молчали. Прекрасной иллюстрацией к этому периоду жизни нашей страны является притча писателя Феликса Кривина. Суть ее в следующем. Когда Г. Галилей отрекся от своих ложных утверждений о том, что Земля будто бы вращается вокруг Солнца, и вернулся к правильному

мнению о том, что Солнце вращается вокруг Земли (официально утвержденному церковью), по этому случаю был устроен банкет: как же, еще одного видного еретика вернули в лоно святой церкви! Во время банкета, в один из моментов, сидевший рядом с Г. Галилеем Великий Инквизитор неожиданно предложил ему: «Давайте выпьем за то, что она все-таки вертится!» – Как же так, – возразил Галилей, – я только что отказался от своего ложного и еретического утверждения, что Земля вертится вокруг Солнца? – Дорогой Галилей, – ответил Великий Инквизитор, – то, что Земля вращается вокруг Солнца, всем давно и хорошо известно. Но надо же понимать ситуацию!» Как очевидно, отечественные диссиденты не понимали или не хотели «понимать» именно это. Наказывали их и за то, и за другое, но строже – именно за нежелание!

Корпоративность
морали и внекомпа-
ративный дух
нравственности

Нравственность ничего общего не имеет с духом корпоративности, для морали же корпоративность – одна из ее черт. В любой и у любой группы индивидов, занимающихся совместным делом, обязательно возникают «правила игры», призванные способствовать благополучию этой группы во взаимоотношениях с теми, кто в состав ее не входит. Даже если «дело» этой – политической или экономической – группы заключается в том, чтобы облапошивать всех не-своих. Эти «правила игры» и есть групповая мораль: что можно, а чего нельзя во взаимоотношениях членов группы. Эти правила всегда подчинены требованиям взаимной выгоды членов группы и опираются на элементарные принципы и понятия нравственности, но трактуются своеобразно и *соблюдать их положено лишь в своей среде*: они на период «общего дела» сплачивают группу, способствуя более слаженным ее действиям, снимая – тоже на время – напряжение во взаимоотношениях. Но все это – за счет прочих членов общества. Эта групповая мораль опирается на господствующую идеологию, а кое-что может быть инновационным. Характерно, что «нравственным» члены группы считают то, чего им хочется, а «безнравственным» то, что им не нравится (не выгодно), без обращения к опыту человечества и без проекции на него собственных действий. Следовательно, это свидетельствует о несамодостаточности морали и вынужденном ее обращении к принципам и понятиям нравственности, но «подгоняемым» под интересы ограниченной части общества.

Нравственность
выражает интересы
всего человечества

Мы уже говорили, что нравственность – в интересах всего человечества, каждого представителя нашего ви-

да. Поэтому-то базисные понятия нравственности признаются всеми. Честность, справедливость, Добро и Зло... Но мораль вырабатывает собственные базисные понятия. Вот одно из них: «беззаветная преданность». Очевиден групповой ее характер – будь то преданность некоей «великой идее» или преданность «вождю». «Беззаветность» в данном контексте означает готовность индивидов на все, вопреки любым соображениям нравственного плана, как «не относящимся к делу». Образцом «беззаветной преданности» («делу коммунизма», к примеру) было убийство в ходе гражданской войны братом брата, сыном или внуком – отца или деда. Никто из однодельцев за подобное не осуждал, и более того, такая «принципиальность» поощрялась. Отсутствие «заветов» – это ведь активный отказ от любых внеситуационных ценностей ради выгод конкретного дела.

Мораль существует в интересах конкретной социальной группы

Очевидно, что «беззаветная преданность» – это специфически моральное, но отнюдь не нравственное понятие! Действительно, лишено смысла требование «беззаветности» от чего-либо, от самого себя. Но со стороны других членов партии (группы, шайки) – это вполне естественно. И очевидно, что *требование «беззаветной преданности» соотносится индивидом не с самовосприятием себя как человека, а с мнением других участников группы.* Кстати, «круговая порука» – разве это не моральное требование и разве это не предшественник своего политизированного варианта – «беззаветный преданности»? Такую преданность требуют от индивида тому, в определении чего он, быть может, не принимал никакого участия. А порою такую «преданность» он проявляет вопреки своей воле, руководствуясь самыми разными соображениями, за исключением нравственных. Не случайно также, что подростки в составе группы могут совершать намного более противоправные деяния, чем поодиночке, даже если речь не идет о силовом противостоянии кому-либо. Очевидно: *группа давит на индивида, а групповая мораль формализует и канализирует это давление. И в конечном-то итоге – всегда к выгоде главаря.*

Лицемерие и безнравственность морали

Тот факт, что мораль общества «давит» на индивида, который вследствие этого вынужден соблюдать «правила игры», пока такое давление ощущает, подтверждается всем хорошо известным феноменом: мародерством. Кажется бы, вполне законопослушные граждане (но внутренне, на самом деле, подлинно-безнравственные) бросаются громить и грабить чужое имущество, как

только почувствуют свою безнаказанность за это. Показной характер демократии и лицемерие буржуазной морали в полной мере проявились в сходстве действий мародеров еще недавно тоталитарного Ирака и высокоразвитой демократии Соединенных Штатов. И эта же самая психология в полной мере и успешно была использована В.И. Лениным с его лозунгом «Грабь награбленное!». Так что строительство «светлого будущего» и «счастья народов» было начато именно с грабежей.

Моральное требование непримиримости к врагам

Вот еще одно базисное специфически моральное требование: «непримиримость к врагам». Характерно, что этой непримиримости требуют от нижестоящих членов группы: главари соперничающих групп скорее договорятся, почувствовав в чем-либо совместную выгоду. Известно, что в СССР режим Гитлера поначалу резко критиковали. И многие граждане начали разделять эту позицию. Но потом лидеры обеих стран договорились, а многие граждане «текущего момента» не поняли и начали осуждать договор. Их, конечно же, репрессировали, и известны случаи, когда подобные граждане продолжали находиться в ГУЛАГе и в период Великой Отечественной войны: именно за несогласие с властью, за собственное мнение, в котором они были явно правы.

А вот тоже поучительный пример, хотя и помельче. Олигарх Б. поссорился с олигархом Г. и намеревался его убить (не самолично, конечно, а наняв исполнителей). Тот, узнав об этом, спрятался от него в столице одного уважаемого демократического государства. Потом они помирились и совместно вели борьбу за «права человека» и «свободу слова» в нашей стране: видимо, для обоих это оказалось более выгодным, чем конфликт.

Подлинность и манипулятивность личного мнения

Очевидно, что наличие у индивида собственного мнения – вполне нравственное требование, хотя тоже очевидно, что и содержание его должно принципам нравственности соответствовать. А некоторые варианты морали предполагают, что содержание мнений индивида определяется другими – «вождями», «лидерами». *То, что мнение индивида подлинно, а не манипулятивно, – это принцип нравственности, но отнюдь не морали.* Конечно, нельзя отрицать, что некоторые варианты морали ближе к основаниям нравственности, чем другие, но различие между нравственностью и моралью очевидно всегда.

Непримиримость безнравственна

Еще относительно «непримиримости к врагам»: данное моральное требование хорошо согласуется и с моральным же принципом «счастье в борьбе». Нравственность никогда не выводила счастье человека из

борьбы, а некоторые варианты морали на этом настаивают. К сему слова из песни Владимира Высоцкого: «И думал Буткеев, мне ребра круша: и жить хорошо, и жизнь хороша!»

Сама «непримиримость» безнравственна, но ведь она была одним из оснований мировоззрения граждан, воспитуемых в духе коммунистической морали. Очевидно, что *мораль базируется на архетипе «свой-чужой»*, который нравственность не признает: раз человек, житель нашей планеты, значит, не «чужой»!

Нравственность
не лицемерна

Нравственность не лицемерна: она отражает интересы всего человечества, и в лицемерии здесь нет никакой необходимости. Ведь лицемерие – это способ неких индивидов представлять перед другими в максимально благоприятном виде – чтобы извлекать из этого выгоды. Тех, кто считает нравственность и мораль синонимами, можно разделить на две группы: тех, кто просто не понимает различий, и тех, кто понимает их вполне хорошо, но им признавать и тем более декларировать их – невыгодно. Так, к примеру, в «Словаре по этике» [3], нравственность определяется, как понятие, являющееся синонимом морали: русским вариантом «морали», происходящим от слова «нрав». Заблуждение, вполне понятное для тех, кто интеллектуально зависим от англоязычных текстов: действительно, в английском языке прямого разделения на «мораль» и «нравственность» нет. Вот они и считают, что и по-русски этого не должно быть!

Мораль ищет
поддержки в элементарных нормах
нравственности

Еще один аспект лицемерия морали, связанный также с различной мерой самодостаточности (см. ниже): *любая мораль постоянно и характерно ищет себе поддержки и оправдания в элементарных нормах нравственности*, которым она, якобы, полностью соответствует. К примеру, тот, кто уничтожал «расово» или «классово» неполноценных, считал, что делает это во имя добра и справедливости. И международные террористы – тоже так считают. Напомним известное обращение А. Гитлера к Господу Богу: «Боже, покарай Англию!» На это У. Черчилль возмущенно заметил: «Не могу видеть, как этот людоед обращается к Господу Богу за помощью!» Примем в расчет также всем известное лицемерие буржуазной морали: не столь важно, что и как ты делаешь на самом деле, как то, насколько ты при этом способен «соблюдать приличия». За этим – специфически моральным – требованием стоит другое: подчинение групповым нормам. Само понятие «приличие» вытекает не из того, что ты представляешь по существу,

не из подлинного твоего лица, а из показного, из того, насколько ты склонен и способен соблюдать «правила игры». Следовательно, имидж здесь довлеет над нравственностью. А имидж как понятие соотносим именно с моралью. Сфера нравственности – то, что ты представляешь собою перед самим собой, Природой, Судьбой, Господом Богом, сфера же морали – то, каким ты предстаешь перед другими. И еще одно дополнение: примем во внимание ироническое высказывание К. Чапека от лица некоего правительства: «Противник подверг варварскому обстрелу наши самолеты, мирно бомбившие его город!»

Понятия нравственности и нормы морали

И нравственность, и мораль чего-то требуют от индивида. Но нравственность требует непосредственно, внутриспсихически, а мораль – опосредованно, коммуникативно, через свои (всегда сообщества) нормы. Поэтому очевидно, что нравственности ближе не «нормы», а понятия: Добро, Справедливость, Честность, Порядочность... Это не нормы, а выражающие ее принципы. Нормами является то, что и как из этого в тех или иных условиях требуют соблюдать от индивида те, с кем он вступает в определенные отношения. *Каждый нравственно ориентированный индивид вырабатывает для себя меру того, что он себе может позволить или не позволить, к чему он стремится и чего он избегает.* И как раз эта индивидуальная мера, посредством обобщений, преобразуется в групповые нормы. Но важен тот момент, что нормы морали всегда в той или иной степени *навязываются* индивиду, а собственные к себе требования им *принимаются*. Понятие «принятие» в данном случае далеко от выражения «принять постановление»: согласиться с чем-либо в пределах сообщества, обсуждающего какую-либо проблему или текущий вопрос. «Принять» – значит душевно сблизиться, воспринимать, как нечто глубинно тебе присущее, как то, от чего ты не сможешь отказаться без весьма серьезных оснований, что ты не склонен менять в зависимости от ситуации.

Поступать по совести или поступать по букве закона

Из предыдущего в полной мере вытекает и характер обязанности: нравственно ориентированный индивид обязан поступать так, а не иначе перед самим собой: поступать иначе ему не позволяет его совесть. Моральная же обязательность вытекает из мнений других членов сообщества: именно перед ними он в данном случае «держит ответ», именно их порицания, осуждения или принуждения опасается и избегает. Когда все в ситуации зависит от самого индивида, поступить так или

иначе его может заставить только его совесть. Общественный же характер моральной обязательности подтверждается тем фактом, что в любом обществе – вынужденно и неизбежно – существует юридическая служба, есть и соответствующая наука – юриспруденция. Ее необходимость связана с необходимостью же фиксации взаимных обязательств граждан и точного отслеживания того, насколько их последующие действия соответствуют принятым на себя обязательствам. Не случайно существует не только Уголовный, но и Гражданский кодекс. *И любой серьезный преступник начинает свою противоправную деятельность с изучения характера возможных санкций.* Вспомним здесь слова из песни Владимира Высоцкого: «Довольно считаться вором и бандитом: уж лучше я сделаюсь антисемитом... а вдруг это очень хорошие люди, а вдруг и за это мне что-нибудь будет?!» Напомним также призыв великого комбинатора Остапа Бендера «читать Уголовный кодекс». Не кто иной призывал, а именно комбинатор! Давно уже надо понять, что все крупные преступления совершаются не из-за того, что индивид не знает, что «так делать нельзя», а потому, что ему этого очень хочется, а уровень его нравственности противостоять своим желаниям не дает ему возможности.

Угрызение совести
и общественное
порицание

Очевидно, что нравственные санкции – это угрызания совести: нравственное начало в душе индивида порою все же пробуждается. И порою угрызания совести настолько сильны, что индивид буквально не может найти себе места и нередко по этой причине «выпадает» из своей профессиональной или социальной группы. Вот пример этого. Дед автора данной статьи в 1948 году, когда он возвращался из ссылки в Красноярском крае, где пробыл в лагере политзаключенных десять лет, встретил по пути некоего индивида, который выглядел крайне угнетенным и опустившимся. Он неожиданно обратился с такими словами: «Товарищ! Вы, я вижу, порядочный человек! Разрешите с вами поговорить!» Далее последовал рассказ о работе в Органах, который завершился такими словами: «Товарищ, поймите, я же делал это ради революции!» Очевидно, что воспоминание о своих деяниях он тяжелым камнем носил в своей душе, а обратился с просьбой рассказать об этом к человеку, по виду которого понял, что тот не пойдет на него доносить. При этом характерна душевная борьба: мотив осуждения – «я делал это», мотив оправдания – «ради революции», мотив поиска сочувствия – «поймите!». Очевидно, что у некоторых палачей из числа тех, кто от-

личился в годы ленинского геноцида или сталинского террора, со временем пробуждалась совесть. Отсюда – и самоубийства, и глубокое пьянство, и душевная опустошенность, и «потерянность». Почему же так? Ведь они действовали в полном соответствии с принципом «непримиримости к врагам трудящихся» (и за это начальство многих поощряло и ставило в пример). Вывод очевиден: это возможно только с позиций нравственности: мораль, тем более коммунистическая, национал-социалистическая, террористическая, – никаких угрызений совести не предусматривает. Более того, исполнитель должен быть машиной, лишенной подлинно человеческих чувств: жалости, сострадания, сочувствия. Конечно, подобных требований некоторые не выдерживают.

Беспощадность
к другим и жалость
к себе

Относительно геноцида и террора: надо понимать, что при В.И. Ленине был именно геноцид: священников, офицеров, помещиков уничтожали за сам факт их существования. Когда же, как считалось, эти социальные группы были полностью подавлены, место их заняли «враги народа», в частности и из числа тех, кто отличился в годы геноцида и теперь претендовал на признание своих заслуг. Не случайно И.В. Сталину пришлось официально заявить, что «прежние заслуги не должны приниматься в расчет, если член партии отстает от требований жизни». Вспомним в связи с этим судьбу Н.И. Бухарина. В свое время он призывал создавать «нового человека» путем расстрелов, призывал расстреливать «спецов», которые получают жалование выше определенной суммы (заметим: от самой советской власти!). А в своем «крике души» – «Завещании» – он написал: «Я полностью одобрял деятельность славных чекистов в отношении «врагов народа». Но меня-то – за что?» Как очевидно, даже в предчувствии близкой смерти «врагов» (напомним: священников, офицеров, помещиков, зажиточных крестьян...) ему нисколько не жалко: жалко только себя. Следовательно, от норм коммунистической морали он не отказался даже в свой предсмертный час: так и умер «подлинным большевиком» (и выдающимся демагогом), в коем качестве («большевика») и был в начале «перестройки» посмертно реабилитирован. Тип-то глубоко безнравственный, но это мало кому приходит в голову. В акте реабилитации было написано: «Необоснованно репрессирован». Как же так: ведь он же оказался «врагом»? А к «врагами» товарищ Н.И. Бухарин всегда призывал относиться беспощадно!

«Ведите себя
прилично...»

Еще один пример соотношения морали и нравственности в ответственные моменты жизни. Когда Л.Б. Ка-

менева и Г.Е. Зиновьева повели на расстрел, Л.Б. Каменев держался выдержанно, Г.Е. Зиновьев же валялся в ногах у конвоиров, так что его буквально волокли, и Л.Б. Каменев даже вынужден был ему сказать: «Григорий, ведите себя прилично!» Но ведь именно Г.Е. Зиновьев руководил террором в Петрограде после убийства М.С. Урицкого, когда однодневно было расстреляно несколько сотен лиц дворянского звания, причем и самого-то М.С. Урицкого убили за осуществление им террора – под покровительством Г.Е. Зиновьева. За Л.Б. Каменевым подобных дел не водилось, хотя и его совесть была нечиста, главным образом как члена высшего руководства, участвовавшего в принятии многих репрессивных решений.

Проявление
человеческого
в бесчеловечном

Еще один пример из жизни автора. Когда я был студентом четвертого курса медицинского института, на кафедре факультетской хирургии (1958) мне довелось «вести» больного с облитерирующим эндартериитом. Молодой, крупный и сильный мужчина с беспощадно «стальным» взглядом серых глаз, уже майор Госбезопасности... Студент постоянно ловил на себе его пристально рассматривающий и как бы оценивающий взгляд. До сих пор живо впечатление-вывод, что он прикидывал: «А как бы этот студентик вел себя у меня на допросе?!» Так продолжалось в течение всего двухнедельного хирургического цикла. И каждый раз думалось: будь ситуация иной, плохо бы мне пришлось! Но вот судьба: однажды довелось присутствовать при разговоре этого больного с его лечащим врачом. По контексту стало понятно, что в связи с нестерпимыми болями в ноге ему в первый раз сделали обезболивающий укол (морфин? пантопон? промедол?). И впервые же в голосе больного послышались человеческие нотки: «Сегодня – я человек!» Увы, судьба его была безнадежной: не только думать о возвращении к прежней деятельности, но даже и сохранить ногу возможности не было. Пристальный – немигающий – оценивающий – стальной взгляд, и такая судьба... Есть тут место и для злорадства. Но где-то хочется – через силу – ему посочувствовать: никогда больше не быть ему здоровым (искренно) и (лицемерно): никогда допрашивать ему больше не придется!

Нравственность
ближе к природе
человека

Очевидно, что *нравственность ближе, чем любой из вариантов морали, к природе человека и ее проявлениям*: в первую очередь, к влечениям, эмоциям, чувствам, а также к непосредственности проявления индивидом своей принадлежности к человеческому роду. Весьма наглядно это проявилось в деяниях св. Инк-

визиции, за которые папа Иоанн-Павел II был вынужден покаяться перед верующими всех стран. Первое упоминание об Инквизиции датируется 1215 годом (при папе Иннокентии III), но организационно она оформилась в 1231–1235 годы (при папе Григории IX). И просуществовала около 600 лет. Инквизиция помогала папскому престолу бороться с разного рода «еретиками» – вероотступниками. И в наибольшей степени ее востребованность поначалу оказалась именно на территории Испании: для борьбы с влиянием здесь ислама, а частично – и иудаизма. Слово *inguisitio* (лат.) означает «расследование», «розыск». Этим занимались лица духовного звания – инквизиторы, наделенные широкими полномочиями. К числу их привилегий относилась личная неприкосновенность, неподчиненность и неподсудность светским властям.

Мораль опосредована общественными отношениями

Технология инквизиции была разработана безусловно – с точки зрения надежности осуждения заподозренного. Инквизитор проводил расследование и направлял соответствующие компрометирующие материалы светскому суду. Тот выносил приговор, а затем инквизитор приводил его в исполнение при помощи палача. Сам факт направления материалов на усмотрение светских судей ставил их в безвыходное положение: оправдание подозреваемого фактически было равно утверждению о том, что инквизиция выдвигает обвинение без достаточных к этому оснований и, следовательно, проявляет несправедливость. Так можно было и самим оказаться уличенными – в пособничестве еретикам, даже хотя бы мимолетно усомнившись в обоснованности какого-либо частного вменяемого «факта» (это рассматривалось, как «еретическое извращение»). Естественно, что приговоры светских судей практически всегда были обвинительными. А сотрудники инквизиции «всего лишь» приводили их в исполнение, не беря на себя ответственности за характер приговора, хотя фактически полностью его предрешали. В деятельности инквизиции были подъемы и спады, но свою задачу – выявление и уничтожение «еретиков» – она всегда делала достаточно успешно. Важным событием в истории инквизиции оказалась булла (1484) папы Иннокентия VIII *Summis desiderantes affectibus* («С величайшим рвением»). В ней, наряду с требованием усерднее выполнять прежнюю задачу, перед инквизицией ставилась и новая: борьба с ведьмами. Видимо, прежние цели в основном оказались достигнутыми, но отказываться от услуг столь ценной для себя организации католическая цер-

ковь была не намерена. И поэтому хорошо отлаженной машине религиозного террора была определена новая перспективная цель. Вскоре выявилась главная специфика ведовских процессов. Если вину еретиков надо было доказывать путем выявления деталей поведения, так как изначально она была неочевидной, то с женщинами получилось иначе: они оказывались виновными изначально. Почему? Согласно уставу, инквизиторам – как монахам – было предписано безбрачие. Естественно, что при виде женщин многие из них испытывали возбуждения или ловили себя на мыслях, которые иначе как греховными они считать не могли. Причем соблазн исходил от вполне конкретного объекта – женщины. В то же именно время был распространенным светский обычай участия обнаженных женщин во встрече приезжающего в город властителя. Вот, к примеру, как встречали в Париже в 1461 году Людовика XI: «И были там еще три прекраснейшие девицы, кои, будучи совсем голыми, изображали сирен, и все видели прекрасные сосцы, и их груди стояли прямо, каждая сама по себе, округлые и упругие, и это было прекрасно; и они произносили краткие изречения и читали пастушеские стишки». Естественно, что инквизиторы в подобных случаях не могли не вспоминать сразу о «враге рода человеческого» – дьяволе. Кто как не он вводит преданного сына церкви в искушение? Кто наводит его на греховные мысли? И к тому же ясно, что орудием его происков является именно женщина – ведь никто из них не думал, что, быть может, имеет значение и его собственная природа (церковная мораль этого не допускала). Его собственная готовность испытывать вождение – был бы только подходящий предмет соблазна. А также противоречие между принятыми на себя обязательствами и профессиональной к ним пригодностью, собственная неспособность нести трудности celibата в их полном объеме. Вместе с тем приписывать то могущественное воздействие, которое женщина – низшее и недостойное существо – оказывала на отца-инквизитора, его собственной природе, по его мнению, было бы неверно. Следовательно, это действие оказывал на него именно дьявол, но опосредованно, сделав женщину своим орудием. Тем более что сделать это ему было легко: у женщины даже и души-то нет!

Обвинение в своих
страстях других

Чем больше греховных мыслей и впечатлений женщина вызывала у отца-инквизитора (то есть чем более привлекательной она была!), тем яснее ему становилась ее вина, которая – несомненно – состояла именно в сно-

шениях с дьяволом, в том числе и с целью оказания на инквизитора столь ужасного воздействия. Ему становилось ясно, что именно через женщину дьявол стремится завладеть его душой. Отсюда и интерес его к проiscaм «врага человеческого». Не случайно про инквизиторов говорили, что их «в сексе интересует каждая подробность, они не хотят ничего упустить». Видимо, порою дьяволу удавалось свершить свое черное дело: совратить инквизитора. Иначе, зачем тогда были введены такие два строгих правила поведения инквизиторов? Во-первых, им категорически воспрещалось встречаться взглядом с находящейся под следствием «ведьмой». Во-вторых, им категорически запрещалось к ней прикасаться. Совершенно очевидно, что сделано это было на основании практического опыта. Ведь в ходе расследования отец-инквизитор фактически сталкивался лицом к лицу с дьяволом и находился в страшной опасности: вплоть до превращения его (инквизитора) в женщину.

Моральный принцип виновности: «раз взяли – значит виновен!»

Итак, главной целью инквизиторов было не доказательство вины, а выяснение ее деталей: как, когда, каким способом женщина вступала в сношения с дьяволом. (Заметим, кстати, что этот принцип еще раз восторжествовал в нашей стране в 1930-е годы – было принято считать: «раз взяли – значит виновен!» И никаких вариантов.) В ходе множества такого рода исследований было твердо установлено, что дьявол, как бы он ни был силен, самолично вступать в половые отношения с таким множеством женщин не в состоянии – просто не успевает. И поэтому он делает это посредством инкубов. Инкуб – это подчиненный дьяволу злой дух, и вместе с тем это как бы и сам дьявол (вспомним идею «троицы»!). Выяснить как можно больше деталей сношений женщины с дьяволом считалось очень важным: это позволяло церкви лучше изучить способы, которыми дьявол воздействует на человека, чтобы использовать это знание в последующей победоносной борьбе с ним.

Моральный гуманизм инквизиции

Если обвиняемый в колдовстве, ереси или других аналогичных преступлениях свою вину признавал и выражал раскаяние, дело могло ограничиться пожизненной ссылкой, которой предшествовало богоугодное дело конфискации имущества еретика в пользу Святой церкви, включая и учет интересов отцов-инквизиторов. Если обвиняемый своей вины не признавал, применялись пытки. Они же отнюдь не считались насилием. Напротив, их расценивали как чудодейственный способ выяснения истины. Если же обвиняемый продолжал упорствовать и отрицал «очевидное», несмотря на пы-

ки, – а, следовательно, не выражал раскаяния, ему выносилось церковное проклятие. А затем совершался «акт веры» – аутодафе: публичное сожжение «еретика» или «ведьмы» на костре. Почему именно таким способом? Во-первых, церковь, демонстрируя «гуманизм», не хотела «проливать кровь». Во-вторых, она считала полезным использовать «очистительную силу» огня.

Аутодафе было торжественным, массовым, театрализованным, ритуальным действием на главной площади города, на котором обязано было присутствовать все местное население, духовная и светская власти. Такой характер церемонии определялся ее высокой значимостью в качестве:

- акта публичного посрамления дьявола;
- акта милосердия: в тот самый момент, когда душа покидала сгорающее тело, она высвобождалась из когтей дьявола и обретала более благоприятные перспективы на том свете;
- акта воспитания: присутствующие убеждались в том, что Святая церковь могущественна, а наказание за грехи и страшно, и неотвратимо.

Обвинение других
в соблазне себя

Никогда никакими указаниями из Ватикана невозможно было бы достичь такого размаха ведовских процессов, каким он был – особенно на территории Германии, – если бы не то, что в психологии принято называть «личностным смыслом» (в данном случае – инквизиторов). Испытывать сексуальный соблазн и не действовать хоть как-то – трудно. Поскольку действовать способом, который предусмотрен природой, инквизиторам было категорически запрещено (см. выше), они не имели иного выхода, как проявлять «величайшее рвение» в розыске и сжигании «ведьм». Некоторые усердствовали в этом непомерно. Видимо, дьявольское искушение, испытываемое ими, было столь велико, что противостоять ему они были в состоянии, лишь сжигая до нескольких сотен (!) «ведьм». Размах их деятельности был таким, что его не выдерживали местные не только светские, но и духовные власти: она слали жалобы в адрес папского престола. Порою, при молчаливом попустительстве местных властей, инквизиторов изгоняли или даже убивали. А как поступать иначе, если, к примеру, в некоторых местностях благодаря усердию инквизиторов в живых почти не оставалось молодых женщин? Небезызвестный Генрих Инститорис из Селстата (соавтор книги «Молот ведьм», 1486, совместно с Якобом Шпренгером) однажды вознамерился отпра- вить на костер сразу пятьдесят «ведьм», но этого не до-

Идеология
женоненавистничества
как следствие
религиозной
морали

пустил местный епископ. Правда, возражать инквизиции приходилось с осторожностью, поскольку на костер ее попадали и священнослужители, в том числе высокого ранга. И продолжались аутодафе до 1826(!): в Валенсии (Испании) сожгли учителя.

Вполне разумно предположить, что недоверие к мужскому полу женщин в странах Западной Европы могло возникнуть именно в период проявления этого, длившегося веками, женоненавистничества: женщины приравнивали к злу и уничтожали под тем или иным предлогом. При этом одни индивиды мужского пола занимались сжиганием «ведьм», другие – были не в состоянии защитить женщин от этого насилия, даже когда хотели. И к тому же широкое распространение получила идеология женоненавистничества, сумбурно, но последовательно развитая в «Молоте ведьм». Книга имела несколько десятков изданий, причем в одном и том же месте издавалась по несколько раз. Она получила даже академическую рекомендацию к публикации, не говоря уже о поддержке церкви. Характерно, что в Испании «Молот ведьм» не издавался ни разу: местные церковные суды считались настолько компетентными в делах расследования ересей и колдовства, что в этом издании никто не видел необходимости. На самом же деле главным было то, что у испанской инквизиции был свой давний объект усилий – тайные иноверцы, в частности мориски – жители бывшего Гранадского эмирата. До своего падения это было весьма экономически процветающее государство, и его жители накопили немало имущества, что у многих вызывало зависть.

Мораль насилует
природу
человека

В «Молоте ведьм» детально сообщалось о том вреде, который причиняют человечеству «ведьмы». Это и порча погоды (грады и бури), и зачаровывание мужчин, так что у них возникает бессилие, и убийство, и пожирание младенцев... При этом, что характерно, почти ставился знак равенства между колдовством и самой женской сущностью, а также между безумием (психическими болезнями) и колдовством. «Если бы не коварство женщин, не говоря уже о колдовстве, то мир был бы избавлен от многочисленных опасностей... Неумные и болтливые, мстительные и завистливые, полные ненасытных желаний женщины – самим телом своим – являют лакомый кусок для развращения дьяволом. Тело же мужчины защищено от этого: иначе, почему бы Бог выбрал его для своего воплощения?». Как видим, с сексуальной ориентацией у авторов «Молота ведьм» все было в порядке. Даже Мартин Лютер, положивший на-

чало Реформации в Германии, отвергнув основные догматы католицизма, уже после своих знаменитых тезисов (1517) писал о «ведьмах»: «Колдуньи – это шлюхи дьявола, они крадут молоко, нагоняют бури, ездят верхом на козлах и метлах, вызывают хромоту или калечат людей, мучают младенцев в колыбели, превращают одно в другое так, что человек становится похож на быка или корову, они толкают людей на занятие любовью и на безнравственность». И вся эта антиженская идеология никак не компенсировалась возникшим в эпоху Возрождения (XIV–XVI вв.), с его антифеодальной и антиклерикальной направленностью, романтическим культом женщины.

Ведовские процессы – весьма убедительный пример того, как мораль (в данном случае – религиозная) насилует природу людей: и не только жертв – женщин, но и палачей – инквизиторов (мужчин). Ведь им – помимо прочего – воспрещалось проявлять милосердие (христианское), сострадание: под лицемерным предлогом считалось, что, пытая и сжигая женщину, они «спасают» тем самым ее душу!

Внешние детерминанты морального самоконтроля и внутренние основания нравственного самоконтроля

Пойдем дальше. Понятие «самоконтроль» в равной мере соотносимо и с нравственностью, и с моралью. Но внешний характер моральных требований определяет характер этого самоконтроля: постоянное отслеживание реакции окружающих на свои действия. В принципе нравственное воспитание ребенка основано на том, что он улавливает и усваивает характер моральных требований, определяет характер этого самоконтроля: постоянное отслеживание реакции окружающих на свои действия. При этом главное: происходит интериоризация характера и меры этих реакций в связи с проявлениями собственной активности. Тем самым ребенок обретает внутренний – нравственный – контроль за своим поведением. И постоянство его в душе человека – залог полноценности и гармоничности его личности. А как может интериоризироваться то, что постоянно меняется в связи со спецификой «текущего момента»? И очень важно, что главное в душе любого нормального индивида складывается в возрасте, когда он абсолютно далек от политики: в общении с родителями, в неформализованной семейной обстановке.

Феномен «двойной морали»

Борьба в душе индивида нравственного – общечеловеческого – с «конкретно-историческим» (моральным) ярко проявилась в годы советской власти феноменом «двойной морали»: в кругу близких индивид привычно говорил одно, а с трибуны совсем другое – то, чего от не-

го требовали. Специфика этого феномена заслуживает отдельного рассмотрения, и здесь мы скажем только о защитной роли «двойной морали»: она предохраняла индивидов от того, чтобы у них «не поехала крыша» при очередном требовании идеологов и руководства страны, которое приходило в противоречие и с уже сложившимся жизненным опытом, и с нравственными ценностями.

Здесь мы сделаем уточнение термина «двойная мораль». Двойной морали быть не может: это – противостояние в душе индивида здравого смысла и «научно-политического мировоззрения», общечеловеческого с очередными требованиями властей, которые как раз из морали коммунизма и вытекали, но каждый раз с учетом специфики «текущего момента». Действительно, как можно было строить «светлое будущее», не строя дорог и мостов, увязая (за исключением правительственных трасс) в грязи? С точки зрения здравого смысла – невозможно, но в духе коммунистического мировоззрения – вполне. Зато посвятившие себя идеологической борьбе и служению власти философы объясняли это «с легкостью» (Платонов «Чевенгур»): грандиозностью стоящих перед страной задач, на фоне которой (грандиозности) любые конкретные недостатки выглядели просто не заслуживающими внимания.

Самодостаточность
нравственности
и неполноценность
морали

Очевидно, что *нравственность вполне самодостаточна*: никогда нравственности не приходилось обращаться к какому-либо варианту морали за подтверждением своей правомочности. Наоборот же (см. выше) происходило всегда и систематически. Характерный пример. Советская политическая система много лет жила в соответствии с духом «коммунистической морали», и руководство страны это вполне устраивало. Но когда – в завершающий период правления Н.С. Хрущева страна перешла к «развернутому строительству коммунизма», вспомнили о библейских заповедях и попытались модифицировать их в духе этого «строительства». Очевидно, что данный политический акт – свидетельство понимания тогдашним руководством страны несамодостаточности столь высоко ценимой им «коммунистической морали». Сколько лет о заповедях не вспоминали, а тут (в шестидесятые годы) они вдруг понадобились. Именно для того, чтобы доказать общечеловеческий характер политических взглядов тогдашней власти. Сколько лет твердили: «Коммунизм – светлое будущее всего человечества», но теперь его попытались конкретизировать: не столько в техническом плане

Мораль
отчуждает

(«Коммунизм – это советская власть плюс электрификация, плюс химизация всей страны»), сколько в нравственном. Все-таки руководство страны понимало то, чего многие специалисты по этике не понимают или делают вид, что не понимают и теперь: мораль и нравственность – не одно и то же...

Отчужденность – это разрыв или отсутствие связей: существенных, должных, значимых. Очевидно, что отчуждение от самого себя – это душевный разлад или же психическая болезнь. Поэтому в нравственном плане отчуждения быть не может: индивид принимает для себя нечто и этому следует. Что-то в его жизни может измениться, но и это он или отвергает, или принимает. А раз «принял», то и места для отчужденности быть не может, даже по нейрофизиологическим закономерностям. Моральные же нормы навязываются индивиду общественной системой или группой, к которой он принадлежит. И приверженцы этой групповой морали зорко следят за тем, чтобы никто не вступал в противоречие с ее требованиями. Вспомним в связи с этим повесть и фильм В.М. Шукшина «Калина красная». В душе вора проснулась совесть, и он решил «завязать» со своей прежней деятельностью и средой. Главным в сюжете помимо этого является реакция бывших однодельцев: как же, воровскую мораль он нарушил, и за это ему положена смерть! Точно так же и во внутривнутрипартийной жизни: любое проигранное разногласие в политическом вопросе – исключение из партии и репрессии.

Очевидно, что необходимость постоянного отслеживания характера реакции окружающих на свое поведение – проявление отчужденности во взаимоотношениях индивида и общества, к которому он принадлежит и морали которого подчиняется. Еще: без хотя бы какой-либо собственности психическое развитие индивида не может быть полноценным. Ведь только через собственность формируются такие нравственно ценные качества, как бережливость (ведь в предметы вложен труд других людей!), как способность делиться. Сколько недостойных нравственно типов, которые, пропив свое, стремятся после этого захватить и поделить чужое... и феномен мародерства – тоже признак отчужденного существования довольно значительного числа индивидов в рамках официальной морали. Именно их безнравственность определяет мародерский характер их действий, как только давление извне – в духе соблюдения законов – прекращается.

Постоянство стихийного творчества человечества в этической сфере

Поскольку все этические принципы, понятия, правила поведения вырабатываются повседневным творчеством множества индивидов в ходе приобретения ими жизненного опыта, то и передается достигнутое путем механизма преемственности поколений, в ходе неформального общения множества людей. Естественно, что этот неизбежный и стихийный процесс не может быть формализован: ведь наличие норм становилось бы препятствием для совершенствования совокупного нравственного опыта: он изначально подгонялся бы под эти нормы. Следовательно, *творчество человечества в этической сфере – постоянный, множественный, спонтанный процесс*. И все нравственные понятия и принципы незаметно, начиная с раннего возраста ребенка, усваиваются им в ходе общения с окружающими. Никакой нормативности и никакой формализации в это внесено быть не может. Хотя сторонники мировой революции и пытались в нашей стране поставить под «общественный» контроль воспитание ребенка с самого раннего возраста: подчинить его заранее утвержденным нормам и правилам, инструкциям Главполипросвета. Это считалось необходимым для создания «нового человека». Целью было сделать так, чтобы даже в психике граждан «светлого будущего» не оставалось ничего, не утвержденного заранее соответствующими инстанциями и органами. Следовательно, целью коммунистических воспитателей было подменить в душе человека общечеловеческую нравственность собственным – «большевистским» – вариантом морали.

Нравственные заповеди и нормы, правила, законы морали

Ничего, кроме заповедей, в сфере нравственности формализованного нет. Но заповеди находятся в священных книгах и вовсе не становятся предметом пропаганды: пропагандируются всегда именно требования и нормы морали. Это и юридические нормы (различающиеся в разных общественных системах), и правила этикета (различающиеся в разных странах, но точно известные гражданам), и законы (тоже в каждой стране свои). При этом *все сходное в юридических нормах, правилах этикета, законах восходит – и неизбежно – именно к нравственности, а все различающееся – формализовано выражает специфику данной общественной системы*.

Борьба морали с нравственностью

В связи со стремлением идеологов подчинить себе даже сферу неформализованного опыта граждан любопытны попытки (в период власти Н.С. Хрущева) создавать новые – «советские» – обряды. По-прежнему идеологам социализма и коммунизма не давали покоя Гос-

подь Бог и религия. К примеру, было предложено вместо того, чтобы детей крестить (в случае православия родителей), детей «звездить». Идеологическое новшество было столь неожиданно, что даже во властных кругах единства мнений по поводу необходимости того не было. Наверное, по этой причине по радио в тот период нередко зачитывались письма «трудящихся» с критикой предложения. Одно из них нам запомнилось с тех лет: «Я своего ребенка звездить не дам! И не нужна мне ихняя коляска и приданое!». И к этому: еще в 1920-е годы Марина Цветаева в связи с антирелигиозной кампанией писала об усилиях большевистских идеологов дискредитировать Бога: «Если Его нет, как вы утверждаете, то за что же вы Его так ненавидите?!»

И еще, к этому же: у Андрея Платонова в «Котловане» хорошо описана кампания ликвидации безграмотности в стране победившей революции. «В избечитальне стояли заранее организованные колхозные женщины и девушки. «Какие слова начинаются на «а»? – спросил активист. Одна счастливая девушка привстала на колени и ответила со всей быстротой и бодростью своего разума: «Авангард, актив, аллилуйщик, аванс, архилевый, антифашист!» – Пишите далее понятия на «б». Говори, Макаровна! – Большевик, буржуй, бугор, бесменный председатель, колхоз есть благо бедняка, bravo-bravo ленинцы. Бюрократизм забыла, – определил активист. – Ну, пишите...». Из самого этого перечисления понятий ставится ясно, что кампания ликвидации безграмотности была одновременно и кампанией «промывания мозгов»: впервые усвоенные слова должны были стать основой нового мировоззрения, базисным их языковым опорным материалом. Как очевидно, это служило двум целям: укреплению позиций пришедших к власти и созданию «нового человека». Не случайно, в те годы Главполитпросвет, руководимый Н.К. Крупской запрещал даже народные сказки – источник нравственного опыта для каждого последующего поколения, – а заодно ущемлял детскую литературу. В частности, в те годы получил хождение литературно-политический ярлык «чуковщина». Как же, К.И. Чуковский и иже с ним отвлекали детей, начиная с раннего возраста, от классовой борьбы.

Могут ли понятия Революция, Нетерпимость, Самоотверженность, Непреклонность, Боевитость, Ненависть быть нравственными ценностями? А моральными – сколько угодно. Напомним в связи с этим ставшее знаменитым высказывание председателя Российской

Моральные ценности не могут быть нравственными

ассоциации пролетарских писателей Леопольда Авербаха: «Нет в мире ничего более нравственного, чем классовая ненависть пролетариата!»

Ко всему этому мы добавим, что те, кто считают нравственность синонимом морали не по душевной простоте, а потому, что это им так выгоднее, как раз из числа советских идеологов, наследников первых лет советской власти с ее нетерпимостью к «общечеловеческому» и преклонением перед «конкретно-историческим» в собственном его варианте.

Сочетание нравственности и морали в душе индивида

Таким образом, различия нравственности и морали очевидны и множественны. Думается, сказанного выше достаточно для того, чтобы утверждать это с полной определенностью. В дополнение сделаем еще несколько пояснений. «Нравственное» и «моральное» в душе индивида может сочетаться и переплетаться. К примеру, мораль вора-карманника не только разрешает, но и поощряет его к тому, чтобы обкрадывать «лохов». Здесь есть даже особое полунравственное убеждение: «раз лох – значит, сам виноват». Но вот еще – проблеск нравственности в душе индивида, следующего воровской морали: ну, вытащил ты деньги и документы, деньги, конечно же, – твои, но документы подкинь обратно: будь человеком!

Мораль усиливает противопоставление «свой – чужой», нравственность его отрицает

Поэту Науму Коржавину (в стихах о князе Иване Калите) принадлежат такие строки: «Был ты видом довольно противен, сердцем подл, но не в этом суть: исторически прогрессивен оказался твой жизненный путь». Так вот: «исторически прогрессивен» – это морально-идеологическое определение, а «сердцем подл» – нравственное. У Владимира Маяковского есть стихи о коммунистических дельцах, написанные в период, когда встал вопрос о «своих мерзавцах». В.И. Ленин поначалу очень на них ополчился и призвал наказывать их строже – за аналогичное преступление – чем всех прочих. Но товарищи по партии убедили его в неразумности этой меры. И не случайно впоследствии судьбу члена партии решал не суд, а райком партии: если провинившегося партийца исключают из партии, то он идет под суд. Если же товарищи на бюро райкома решат, что исключать его не следует (выговор – дело святое!), то он был неподсуден, даже если украл много. Подход вполне в духе коммунистической морали: «своих» надо жалеть, даже если это мерзавцы. А нравственность-то внепартийна: она не смотрит, что за человек, она обращает внимание только на сам характер деяния. Зато в годы ленинского геноцида само классовое происхождение

арестованного считалось доказательством его вины в конкретном деле. Известный чекист Ян Фридрихович Судрабс (Мартин Лацис) об этом в 1918 году высказался со всей определенностью и откровенностью: «Классовое происхождение должно быть решающим фактором при вынесении приговора, в том числе и по уголовным делам». В биографической справке о нем (член коллегии ВЧК, 1918–1921) написано: «необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно». Действительно, сам он акцентировал принцип «свой–чужой»: «своему» можно было простить и уголовное преступление, «чужой» же (тем более «классово-чужой») был виновен уже по определению. Но если в ходе внутрипартийной борьбы, с ее подлинной боевитостью, ты сам оказался «чужим» для находящегося у власти большинства, то как ты – отнявший во имя этого принципа столько чужих жизней – можешь рассчитывать на снисхождение? Теперь несколько дополнительных утверждений.

Моральный и нравственный облик

«Моральный облик» – основание для того, чтобы оценить, насколько данный индивид соответствует (в своем поведении) требованиям сообщества, к которому принадлежит. «Нравственный облик» – основание для того, чтобы оценить, насколько данный индивид (в своем поведении) оправдывает свое название «человек».

Моральный принцип: не согласен, значит – чужой

В плане внутрипартийной борьбы в нашей стране полезно отметить, что Разногласие (с Генеральной линией) было выше духа товарищества и привычек совместной деятельности. Раз не согласен, значит – чужой, а с ним – в духе той же морали – необходимо поступать «принципиально». Заметим: никогда среди большевиков не было разногласий относительно репрессий против представителей «исторически обреченных классов», и никогда никто из них их не жалел. Не случайно, в 1920-е годы была даже полемика: можно ли полюбить классово-чуждого человека? Очередное стремление идеологов подменить общечеловечески-нравственные основания поведения «большевистской моралью». Да что там говорить о нравственности и «общечеловеческом», если даже биология у «пролетариев» иная, чем у «буржуев», и физиологические процессы иные [4]. Вот одно из высказываний А.Б. Залкинда (1930): «Разрушена мистическая сердцевина учения о душе... Социальный фактор признается господствующим в отношении к психике, и закономерность общественной жизни является директивой для накопления всего психического фонда».

Сочетание личной
безнравственности
с господствующей
моралью

Вот любопытный пример вполне «гармоничного» сочетания (личной) безнравственности с господствующей моралью. Однажды, в доперестроечные времена, автору встретился на улице знакомый, который, как ему было известно, спекулировал радиоаппаратурой, тогда – дефицитом. Он поздоровался и сказал: «Вот, еду получать звание ударника коммунистического труда» (??) Выяснилось следующее. Ему, чтобы не считаться «тунеядцем», надо было где-то числиться по службе, но при этом не терять времени на такие пустяки, как зарабатывание денег в поте лица. Дабы избежать выселения из Москвы как «тунеядца» (ведь это же нетерпимое для «развитого», а тем более «зрелого» социализма явление), он устроился на хорошо оплачиваемую работу монтажника-высотника и договорился с начальником, что тот будет ставить ему рабочие дни и получать за него зарплату: на долю «монтажника-высотника» приходилось только приезжать расписываться в ведомости и чувствовать себя «в рабочем строю». Поскольку начальник был заинтересован в том, чтобы получить от этой сделки побольше, то он, соответственно, завышал расценки и объемы работы, якобы выполненной этим «монтажником». И все было хорошо: оба были довольны. Но вот выяснилось неожиданное обстоятельство. Начальство проявило удивление: почему же работник со столь высокими показателями в труде все еще не ударник коммунистического труда? Что, есть какие-либо препятствия к этому? Начальнику пришлось доложить, что все в полном порядке и срочно представить «монтажника» к почетному званию, что лишний раз должно было свидетельствовать о том, что воспитательная работа в данном Стройуправлении находится на должном уровне: «ударников» не меньше, чем в тех организациях, с которыми это Стройуправление соревнуется. Так что при таком раскладе Вася-монтажник просто не мог не стать «ударником коммунистического труда».

Чем современное общество отличается от прежнего в этом плане? Тем, что статьи за «тунеядство» теперь нет. Более того, появилась категория граждан «безработные на «Мерседесе», которые к тому же нередко получают еще и пособие по безработице. Во всяком случае, замечено, что в органы, занимающиеся социальным вспомоществованием нуждающихся, приезжают порою и на роскошных джипах. Одно непонятно: неужели от жадности? Или же для того, чтобы при случае сослаться на свое бедственное положение, а джип или

«Мерседес» ведь можно просто одолжить на время у имеющего хорошую работу приятеля?

1. Гуссейнов А.А. Великие моралисты. М., 1995. С. 5.
 2. Зеленнова И.Л., Беляева Е.В. Этика. Минск, 1997. С. 6.
 3. Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. 5-е изд. М., 1983. С. 224.
 4. Залкинд А.Б. Педология: утопия и реальность. М., 2001.
-